И.Н. Ионов

к. ист. н., с.н.с., Институт всеобщей истории РАН (Москва)

«ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РЕНЕССАНС» И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЭКОНОМИКА

Аннотация. В статье рассматриваются эпистемологические проблемы отечественного варианта социокультурной экономики как предмета интеллектуальной истории, который анализируется в контексте развивающегося с 2010-х гг. «цивилизационного ренессанса». Показано, что социокультурная экономика связана с процессами деглобализации и подрывом традиционных представлений о модернизации. Наиболее ярко эти тенденции проявились в социологии, где цивилизационный поворот определил представление о Модерне как новом типе цивилизации, о множественности модерностей, в том числе альтернативных и переплетённых. В социокультурной экономике проявились такие черты «цивилизационного ренессанса», как контингентность нарратива, внимание к альтернативным версиям объяснений, стремление мыслить «от противного», общие для социально-гуманитарного знания черты культурного, пространственного, исторического поворотов. Вместе с тем прослеживается отстранённость от вековой традиции цивилизационного анализа и ряда его дисциплинарных направлений. Сквозная связь с позицией С. Хантингтона приводит к повышенному влиянию классического научного знания, метаисторического подхода к цивилизационному анализу, связанному со сциентизмом, детерминизмом, эссенциализмом. Это проявляется в игнорировании некоторых альтернативных версий интерпретации социокультурных влияний на экономику, проблем употребления понятия культурного кода. Преодоление этих сложностей видится в более активной интеграции социокультурной экономики в процесс «цивилизационного ренессанса», росте роли гуманитарных аспектов анализа, движении в направлении трансдисциплинарного, мультиперспективистского, конструктивистского подхода, расширяющего когнитивные карты экономистов за счёт рефрейминга цивилизационных моделей.

Ключевые слова: *социокультурная экономика, постглобализация, «цивилизационный ренессанс», цивилизация Модерна, множественные модерности, «эффект колеи», эссенциализм, мультиперспективизм, рефрейминг.*

JEL: A1, A12, A14, A20

УДК: 303.01, 303.1, 930

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_55_70

© И.Н. Ионов, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Ионов И.Н. «Цивилизационный ренессанс» и социокультурная экономика // Вопросы теоретической экономики. 2025. №2. С. 55–70. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_55_70.*

FOR CITATION: *Ionov I.N. «Civilizational Renaissance» and Sociocultural Economics // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 2. Pp. 55–70. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_55_70.*

«Цивилизационный ренессанс»: основные черты

Социокультурная экономика как область знания формируется в сложных условиях, в процессе кризиса глобализации с обозначившейся тенденцией к деглобализации и постглобализации [Roudometof, 2024], подрыва традиционных представлений о модернизации как европеизации и разрушения прогрессизма и глобализма как идеологий, размывания классических представлений о рационализме как господствующей мотивации

в хозяйственной деятельности человека [Канеман, 2023]. Она строится на руинах классической модели знания и связанных с ней сциентистских подходов, опирается на возводимые стены новых моделей, отчасти неклассического склада, связанных с культурным поворотом в социально-гуманитарном знании, отчасти постнеклассического склада, нащупывающего компромисс между классическим и неклассическим знанием. Такого рода модели можно соотнести с «цивилизационным поворотом» или даже «цивилизационным ренессансом» (*revival*), как его называет А. Давутоглу [Davutoğlu, 2014. Рр. VII–XII]. Последний преодолевает скептическое отношение к сравнительной истории цивилизаций, тесно связанной с философией истории, появившееся в 1980–1990-х гг. [Ионов, 2007. С. 373–375, 415]. Но он изменяет и само представление о цивилизациях, делая его более сложным и неоднозначным [Браславский, 2024. С. 250].

Особенно ярко это проявляется в социологии, где представление об универсальном процессе модернизации замещается теориями Ш.Н. Эйзенштадта о новом типе цивилизации Модерна, предполагающем взаимодействие традиции и модернизации, единственности Модерна и множественности модерностей (мультимодерности), а также развитыми на этой основе концепциями альтернативных модерностей Й. Арнасона и переплетённых модерностей Й. Терборна [Арнасон, 2021; Арнасон, 2022; Therborn, 2003; Цивилизационное... 2024. С. 135, 138, 240]. Важно отметить, что если мир-системная теория Ф. Броделя и И. Валлерстайна отмечала особенности развития экономики в региональных анклавах древности, а также на полупериферии и периферии современного мира, то представления об альтернативных и переплетённых модернах касаются в том числе разновидностей модерности в странах «первого мира». Характерно переосмысление Й. Терборном типа модерности США, в которой он видит не чистый результат модернизации, а взаимодействие предпринимательского капитализма, всепроникающей религиозности и сложного этнического состава населения [Therborn, 2003. Р. 302]. Последний фактор в условиях глобализации делает феномен переплетённых модернов универсальным. Возникают ассоциации с идеей Н. Элиаса о том, что за фазой доминирования истеблишмента в процессе цивилизации наступает фаза контрнаступления аутсайдеров. За экспансией западных образцов модернизированного поведения следует оборонительная, а то и реакционная фаза распределённой модерности, принуждающая Запад к «закрытости», что «приводит к усилению контрастов и росту напряжённости в обществе... усиливается отталкивание» [Элиас, 2000. С. 308].

В условиях мультимодерности, представленной множеством интерпретаций [Браславский, 2024. С. 309], соотношение ценностей модернизации и традиции перестаёт рассматриваться как бинарная оппозиция. Например, в китайской концепции государства-цивилизации они трактуются как взаимодополнительные моменты. При этом её создатель политолог Чжан Вейвей акцентирует как духовный авторитет китайского государства, так и его неспособность проводить реформы вне идеала модернизации. Он признаёт проблемы, связанные с чрезмерным огосударствлением экономики, запаздыванием политической реформы, ростом коррупции, социальной поляризацией населения, ухудшением окружающей среды [Zhang, 2012. Рр. IX–X]. Вспоминаются работы культуролога Э.С. Маркаряна, который справедливо писал о динамической природе традиции как основы и вектора креативных процессов в обществе, «органической взаимообусловленности традиций и инноваций», в силу чего анализ традиций создаёт возможность для моделирования новых форм адаптации людей к среде обитания [Маркарян, 1981. С. 81, 86. 92–94]. Результатом подобного подхода стал отказ исследователей международных отношений (*international studies*), таких как Р. Сил и П. Катценштейн, от парадигмального, во многом идеологизированного подхода и провозглашение аналитического эклектизма и постпарадигмальности как принципа изучения взаимодействия мировых культур и государств [Sil, Katzenstein, 2011. Рр. 3–11].

И это не случайный фактор, а отражение новых форм сознания, принесённых в познавательное пространство «цивилизационного ренессанса» совпавшим с ним «темпоральным поворотом». В частности, это перемена режима историчности, восприятия современности, сменившая характер этого образа с устойчивого на неустойчивый, с ясного на противоречивый. Правда, при этом современность приобрела способность, по словам Х.-У. Гумбрехта, поглощать и прошлое, и будущее. Вместо девелопментального историзма из всех образов эволюции, предпочитающего ароморфоз и дающего причинно-следственные детерминистские, телеологические объяснения, это порождает радикальный историзм, как его называет М. Бевер, воспринимающий прошлое как контингентный децентрированный нарратив, открытый разным способам объяснения и понимания, учитывающий роль вероятности и случайности. Вместо образа единого линейного времени появляется образ множественных времён. Если первый легитимирует настоящее и вводит представление о едином темпоральном режиме, то второй соглашается с сосуществованием множества темпоральных шкал [Олейников, 2021. С. 14-19; Йордхайм, 2021. С. 95-118]. Соответственно, образ цивилизации становится всё более зыбким. «В противоположность метаисторическому ответвлению цивилизационного анализа, — пишет социолог Р.Г. Браславский, — в его социологическом направлении подчёркивается не гомогенность и внутренняя согласованность, а амбивалентность и антиномичность культурных предпосылок цивилизационных формаций» [Браславский, 2024. С. 250].

Если копнуть ещё глубже, до уровня когнитивных проблем, то мы наблюдаем феномен, связанный с отказом от наиболее очевидных детерминистских и эссенциалистских моделей прошлого, связанных, как выяснили психологи Д. Канеман и А. Тверски, с особенностями интуитивных реакций человека («эмоциональный фрейминг») в обстоятельствах, когда важен не глубокий анализ, а быстрая ориентация, создающая когнитивную карту, которая даёт возможность реагировать чётко и без сомнений (эффект привязки). Но у человека есть и другой механизм оценок, который связан с недоверием к интуиции, когнитивным напряжением, «перенаправлением внимания» на слабые логические и исторические связи, непривычные объекты и обстоятельства, с разрывом устоявшихся шаблонов и внушённых установок (корректировка «эффекта привязки»), со способностью исследователя выходить за рамки предпосылочного знания и реструктурировать когнитивные карты (рефрейминг), меняя познавательные перспективы. Исследователь реализует таким образом «стратегию намеренного “обдумывания противоположного”». Последняя связана с более сложным восприятием времени, и именно она разрушает более привычные когерентные модели и помогает выявлять в них когнитивные искажения [Канеман, 2023. С. 36, 81–82, 109–110, 120, 162–163, 269]. Именно множественность познавательных перспектив мешает «когнитивно лёгкой» стратегии конструирования из эмоционально окрашенных, когнитивно бедных элементов чрезмерно связанных и логичных образов. «Когда мы используем множественные подходы, знание, которое они производят, никогда точно не конвергирует», отмечали Д. Канеман, П. Словик и А. Тверски [Канеман, Словик, Тверски, 2005. С. 401]. На арену тут выходит когнитивное напряжение, менее прозрачное, «зыбкое» время, воплощающее непредопределённость и принципы радикального историзма, а также контингентные нарративы, связанные с представлениями о вероятности и случайности [Ионов, 2024. С. 5-19].

Вырисовывается конфликтная познавательная ситуация, сущность которой — явный когнитивный диссонанс, предполагающий сочетание разных оптик и познавательных перспектив, создание «механизмов выработки неопределённости», которая тем не менее, по словам психолога А.Г. Асмолова [Асмолов, 2015. С. 2-4], осознаётся как неперемное условие «познания сложности». Требования смены метафизических, эпистемологических и фактологических оснований в рамках одного исследования, ранее

представавшие у М. Вернера и Б. Циммерманн в концепции «*histoire croisée*» как своего рода познавательная утопия, теперь становятся необходимым требованием, обеспечивающим логическую и фактическую релевантность социально-гуманитарного знания [Вернер, Циммерманн, 2007. С. 59-90]. Переход происходит через границы не только парадигм, как у Р. Сил и П. Катценштейна, но и научных дисциплин. Особенностью современной эпохи, характерной резким столкновением альтернативных подходов к самым различным вопросам, стало появление множества полей для диалога. Они имеют трансдисциплинарный, мультиперспективистский характер. Дисциплинарный подход в них в значительной степени разрушен постмодернистской деконструкцией, которая затрагивает как классические сциентистские, так и неклассические конструктивистские повестки дня и вопросники. Это позволяет не увлекаться дискредитировавшим себя ещё в XX в. историческим синтезом, но и не разрушать до конца сциентистский идеал, ограничивая задачи его переосмысления разными вариантами рефрейминга.

Понятие цивилизации в этих условиях перестаёт быть проекцией «методологического национализма», который делал возможным анализировать общество так, будто оно естественным образом поделено на нации (или цивилизации). В этой логике государство создает нацию (политическое общество), а не наоборот, а цивилизации ассоциируются преимущественно с государствами мира, имеющими длительную историю. Цивилизация становится аналитической категорией, вскрывающей «цивилизационное измерение человеческих обществ» самого разного уровня и масштаба (Ш.Н. Эйзенштадт). Вместе с мировой и национальными появились региональные, узко-локальные и групповые цивилизации, их глобальные и региональные констелляции, влияющие на их природу, институты и традиции. Стал возможен многоуровневый цивилизационный анализ, сопровождающийся сменой исследовательских перспектив. Как и нация, цивилизация — «переменная, а не константа, из неё невозможно исходить... она может прибывать или истощаться, достигая пика в исключительные — но краткие — моменты коллективного подъёма... <влияя> через категории, схемы, столкновения, идентификации, языки, рассказы, институты, организации, сети и события» [Брубейкер, 2012. С. 18]. Й. Арнасон пишет, что «допустимо предположить существование разнообразия цивилизационных формаций, причём некоторые из них будут в большей степени напоминать “цивилизации” в привычном значении этого термина, чем другие» [Арнасон, 2021. С. 20-21].

Актуальная проблема — связь вариантов цивилизационного анализа, развивающихся в философии, социологии, истории, культурологии, политологии, антропологии, экономике, географии между собой и с общенаучными процессами «цивилизационного ренессанса» [Ионов, 2024. С. 14-17]. Ведь каждая из этих дисциплин по-разному видит свою роль в формирующемся трансдисциплинарном научном комплексе, каждый раз по-особенному выстраивает собственный веер сменяющих друг друга исследовательских перспектив. Особенно своеобразны разновидности, направленные на педагогическую деятельность, как социокультурная экономика в варианте А.А. Аузана, структура которых определяется не только эпистемологическими, но и методическими задачами. В связи с этим встаёт вопрос, в чём своеобразии проявлений общих закономерностей «цивилизационного ренессанса» на том или ином дисциплинарном поле? В чём специфика понятийного аппарата и эпистемологии социокультурной экономики, которая заставляет дистанцировать её от ближайших научных дисциплин, например социологии? Какие противоречия возникают между специалистами этих родственных дисциплин? Как на эти вопросы может ответить историк, специалист по интеллектуальной истории и истории цивилизационных представлений? Вот вкратце основные задачи этой статьи.

Общие черты и специфика социокультурной экономики

Социокультурная экономика в сложившемся в России виде в целом удовлетворяет существенным признакам «цивилизационного ренессанса» [Аузан, 2016; Аузан, 2017; Аузан, Никишина, 2021]. Это междисциплинарное направление знания на перекрёстке экономики, культурологии и социологии. Экономическая тематика изначально играла большую роль в теориях цивилизации. У. Робертсон в XVIII в. сводил представление о цивилизации к росту экономического благосостояния, а А. Фергюсон (1767) считал, что каждому из этапов цивилизации свойственен определённый тип экономической активности, особое отношение к собственности и соответствующий уровень социального расслоения, порождающий «общественное мнение» того или иного типа. Тем самым А. Фергюсон предвосхитил многие идеи К. Маркса и Ф. Энгельса и оказал решающее влияние на Л.Г. Моргана, который сделал его взгляды широко известными [Ионов, 2007. С. 196-197]. Экономоцентрический подход к цивилизации в течение XX–XXI вв. сменился культуроцентрическим, менталистским и семиологическим подходами. Но роль экономики оставалась заметной. Наиболее важную роль сыграли М. Вебер и его «хозяйственная этика мировых религий», Ф. Бродель, для которого представления о материальной цивилизации как образе жизни переплелись с образами мир-экономик, а также И. Валлерстайн, создавший концепции капиталистической мир-системы и множественности глобализаций [Ионов, 2007. С. 314-326, 391-396; Ионов, 2015. С. 214-263].

Наряду с культурными получили новый смысл социально-экологические модели, очень популярные в XIX — первой половине XX вв. Для социологов они служат оправданием возвращения к экономической проблематике. «Есть и ещё одна причина, чтобы подчёркивать значение экономических паттернов, — пишет Й. Арнасон, — они свидетельствуют о явной связи между цивилизационными проблемами и новыми подходами в экологической истории. Сближение этих двух направлений исследований является одной из наиболее неотложных задач в социальных науках. Оно принесло бы большой смысл экологическому подходу и большую объяснительную силу цивилизационному. Благодаря недавним достижениям экологической истории некоторые исследователи всё больше открыты для такого сближения» [Арнасон, 2021. С. 24]. Эта тематика проявляется и в социокультурной экономике: после влияния религии и языка социально-экологические факторы занимают третье место [Аузан, 2022. С. 61, 89]. Изучение последних широко распространено как за рубежом [Фернандес-Арместо, 2009], так и в нашей стране, в том числе среди экономистов [Кульпин, Пантин, 1993; Кульпин, 1995; Кульпин, 2010].

Только в контексте «цивилизационного ренессанса», большую роль в котором сыграли политологи, понятна опора А.А. Аузана на идеи политолога С. Хантингтона, которого он почему-то называет «создателем теории цивилизаций», выдвинувшим как новое положение «культура имеет значение» и связавшего «подвижки в экономической модернизации... с подвижками в религии» [Аузан, 2022. С. 35-37, 64, 74; *Культура...* 2002] (и это спустя более чем век после опубликования М. Вебером в 1915–1920 гг. «Хозяйственной этики мировых религий»!) Й. Арнасон обвиняет Хантингтона в интуитивном характере его обобщений и отмечает, что он «собрал воедино значительное число работ по цивилизационной тематике без какого-либо обсуждения противоречащих друг другу моделей или исправления неадекватных взглядов и претендовал на то, что вся традиция таких исследований поддерживает его собственную интерпретацию, суммированную в описании цивилизаций как наиболее широких общностей. Это было колоссальным заблуждением, ведущим к преувеличенным представлениям о коллективной идентичности как неизменной и центральной особенности цивилизаций (сравнительные исследования показывают, что фактически это аспект, который подвержен значительным изменениям) и о её непосредственном переводе в политические альянсы и стратегии» [Арнасон, 2021. С. 15-16, 21]. В кругу аналитиков

и критиков цивилизационного подхода (особенно применительно к России) опора на Хантингтона считается слабым местом [Russia... 2020. Pp. XV, XIX, 2, 17, 173, etc].

В этом смысле социокультурная экономика находится в сложных отношениях с традицией школы исторического журнала «Анналы. Экономика. Общества. Цивилизации», долгое время считавшегося авангардным именно в развитии цивилизационного подхода и выступавшим (от А. Берра до Ф. Броделя и И. Валлерстайна) в противостоянии с политической, событийной историей, характерной для историков-позитивистов начала XX в. [Ионов, 2007. С. 391] Существенным упущением является недооценка экономистами роли социологов и особенно цивилизационного подхода Ш.Н. Эйзенштадта с его представлением о разнообразии путей к модернизации и о цивилизации Модерна как нового типа цивилизации. Он воплощен во множественности модерностей, связанных с разнообразием культурных традиций [Eisenstadt, 2000. P. 27].

Из-за этого социокультурная история попадает под критику социологов, не принявших метаисторический, субстанционалистский, детерминистский, законосообразный подход к анализу цивилизационных формаций разного рода, который они считают порочным наследием старых школ теории цивилизаций XVIII–XX вв. «Популяризованная в 1990-е гг. во многом благодаря нашумевшему тезису С. Хантингтона о “столкновении цивилизаций” в ответ на дезинтеграцию биполярного послевоенного миропорядка метаисторическая версия цивилизационного подхода представляла собой в концептуальном отношении возврат к старым стратегиям интерпретации, преувеличивающим культурную гомогенность и закрытость отдельных цивилизаций (курсив мой. — И.И.) и игнорирующим долгую историю их трансформаций и взаимодействий, — пишется в недавно вышедшей монографии по теории цивилизаций. — В академической среде понимаемый таким образом цивилизационный подход критикуют за “культурный эссенциализм” в теоретическом и “культурный расизм” в идеологическом отношении. При этом многие как последователи, так и оппоненты цивилизационного подхода не учитывают разнообразие и принципиальные различия между собой цивилизационных теоретических перспектив, отталкивающихся от плюралистической концепции цивилизации. Метаисторическая теория локальных цивилизаций сформировала односторонний стереотипный образ всей области цивилизационного анализа и во многом заблокировала более адекватное восприятие других версий цивилизационного подхода» [Цивилизационное... 2024, с. 12].

Получается, что социокультурная экономика, с одной стороны, близка к тематике цивилизационных исследований, но с другой — ей присущ существенный отрыв как от их традиции, так и от их современного состояния. Ей свойственно частичное расхождение с современными эпистемологическими основами цивилизационного анализа. Как они могут сказаться на релевантности социокультурной экономики требованиям современной науки? Каковы могут быть её внутренние особенности, позволяющие перестраивать знание на новой когнитивной, эпистемологической и конструктивистской основе, каковы перспективы преодоления подобных недостатков? Ведь так или иначе, у социокультурной экономики больше черт, роднящих её с разными направлениями «цивилизационного ренессанса», чем расхождений.

Между scientismом и релятивизмом

Уже сейчас для социокультурной экономики характерны трансдисциплинарность, «перенаправление внимания» и смена познавательных перспектив. Три её закона в трактовке А.А. Аузана последовательно разворачивают три познавательные перспективы социокультурных влияний на экономику, принадлежащие трём разным дисциплинарным направлениям науки. Характерно, что описание (поскольку инициатива изначально

отдана политологам) начинается с упрощённой до телеологизма модели ценностей политологов Р. Инглхарта и К. Вельцеля, которых вообще-то больше всего тревожили судьбы демократии. В исходном варианте данная модель включает в себя сложные размышления, волновавшие её создателей именно в профессиональном смысле (о ходе процесса секуляризации, нормах индивидуального выбора, балансе политических навыков, гендерном равенстве и феминизации общества), чем о, например, нежелании воевать за свою страну, ксенофобском авторитаризме и наступлении общества искусственного интеллекта. Концепция социокультурной экономики сосредоточена только на одной, правда — центральной, части этой модели: пересмотре традиционной концепции модернизации (перехода от первой фазы, связанной с секулярно-рациональными ко второй фазе, связанной с постматериалистическими ценностями) и создании новой модели модернизации как перехода от ценностей выживания к ценностям самовыражения. В ходе последнего возможно «сопротивление культурного наследия» в результате воздействия «эффекта колеи» [Инглхарт, 2018. С. 30-34; Инглхарт, Вельцель, 2011; Вельцель, 2017; Аузан, 2022. С. 38-40]. Так в центре внимания социокультурной экономики появляется универсалистская векторная модель модернизации и цивилизации, «код экономической успешности», как его называет А.А. Аузан, составляющий основу иерархии ценностей цивилизации Модерна, на которой основаны законы экономики, социокультурные профили, определяющие господствующие культурные коды наций, а также уточнение ценностных детерминант [Аузан, 2022. С. 46, 63]. Но по принципу «перенаправления внимания» этим дело не ограничивается.

Универсальная модель цивилизации Инглхарта-Вельцеля, в которой страны противопоставлены друг другу, дополняется концепцией социолога Г. Хофстеде, в которой сочетались общие черты цивилизации Модерна (исследовались работники одной и той же фирмы IBM в разных странах) и ценности, доминировавшие в отдельных странах, что отражало реальность «множественных модернизаций». В созданных Хофстеде «звздограммах» были представлены соотношения несколько более широкого круга ценностей, чем в первом из законов: индивидуализм/коллективизм, дистанция власти, мера избегания неопределённости, феминность/маскулинность, долгосрочная/краткосрочная ориентация. Это позволяло обратиться к более широкому анализу социокультурных факторов, в частности к результатам ряда эпистемологических поворотов, перестроивших процесс изучения общества в конце XX — начале XXI вв.: лингвистического, пространственного, экологического, исторического [Аузан, 2022. С. 51-66]. Поскольку речь идёт об обществах цивилизации Модерна, это лишь частично характеристики локальных цивилизаций (в основном речь шла о сравнении США и Японии). Доминирует интерес к конкурентоспособности отдельных ценностных ориентаций (межцивилизационный аспект, характерный для «цивилизационного ренессанса», который впервые акцентировал Б. Нельсон и развил Й. Арнасон) [Арнасон, 2021. С. 58-83].

А.А. Аузан выделяет и более сложные варианты звездодиаграмм, касающиеся России, которую С. Хантингтон именовал «разорванной страной». Этот разрыв, или, как его называет Аузан, «двухъядерность экономической культуры», был обнаружен в противостоянии коллективистских и индивидуалистических ценностей, сложившемся из-за того, что независимая модернизация оставляет социокультурные следы лишь в социальных элитах, в то время как народные массы остаются под влиянием традиционных коллективистских ценностей, использованных самодержавным государством для развития податной крестьянской общины с круговой порукой. Следствие — несостыкованность инструментов хозяйственных коммуникаций и, как результат, — недоговороспособность массы населения, её принципиальное недоверие к партнёрам [Аузан, 2022. С. 74-79, 140-141]. Надо указать, что эти рассуждения могут опираться не только на слова Хантингтона, но и на большую

традицию изучения русской культуры историками и философами, а также на высказывания зарубежных учёных.

Характеризуя работы А.С. Ахиезера о «расколотом обществе» России, о её «промежуточной цивилизации», её насущной потребности в медиации и диалоге, его вдова С.Я. Матвеева отмечала, что о «расколе на “дневную” и “ночную” культуры... конфликтах между деревенской и городской жизнью писали и говорили И. Киреевский, В. Соловьев, В. Ключевский, А. Герцен, Г. Флоровский, Н. Лосский, Н. Бердяев, Г. Федотов, Д. Мережковский, австриец Вальтер Шубарт и многие другие, вплоть до В.И. Ленина, указывавшего на противоположность двух культур в одной нации, конфликт между которыми “неизбежен”» [Матвеева, 2014]. А.С. Ахиезер же писал о существовании в России двух субкультур, что приводит к периодической дезинтеграции общества, так как «гипоцентр одной субкультуры совпадает с гиперцентром другой культуры... Тем самым складывается заколдованный круг... обе субкультуры вызывают друг у друга дискомфортное состояние... при этом каждая из сторон может полагать, что борется с мировым злом» [Ахиезер, 1991. С. 289-290].

Подобные расколотые цивилизации у историков принято называть «пограничными», интегрирующими опыт нескольких социокультурных образований. Для родственных цивилизаций Латинской Америки и России типично проблемное, противоречивое соотношение личности и общества, индивидуализма и общинного архетипа [Шемякин, 2001. С. 273-344]. По этому поводу ведётся интересный диалог между глобальными историками, которые называют подобные зоны «историческими регионами», и социологами, которые видят здесь не внутренний раскол или разрыв, а взаимодействие соседних цивилизаций. Й. Арнасон пишет по этому поводу: «Они образуют арены длительных взаимодействий, конфликтов, частичного слияния и наведения мостов между различными цивилизационными течениями. Факт существования таких регионов имеет последствия для нашего понимания цивилизаций; он служит аргументом против представления о замкнутых культурных мирах с жёсткими и непреодолимыми границами... Можно заметить..., что Россию лучше понимать в таких терминах, чем в качестве замкнутой православной цивилизации» [Арнасон, 2021. С. 14].

И только при формулировке третьего закона социокультурной экономики, определяющего возможные источники экономического роста, А.А. Аузан обращается к работам собственно экономистов. В них он находит анализ социокультурного потенциала экономики. Он предлагает использовать как двигатель модернизации проблемные, но мощные социокультурные факторы: феминность, высокую адаптивность российской культуры, перерастающую в креативность, способность к краткосрочной мобилизации. При их помощи Аузан предлагает преодолеть эффект колеи, резонанс «удерживания прежних неэффективных институтов», которые порождаются культурной традицией, и вместе с тем не дают ей меняться [Аузан, 2022. С. 80-91, 95-98].

Для этого надо использовать «культурный код трансформации», промежуточные институты, способные превратить экономику в успешную. Они могут сыграть роль укоренённых в местной культуре инструментов, помогающих преодолевать политические или культурные ограничения на пути модернизации. Как примеры успешной опоры на локальные ценности приводятся Словения с собственностью трудовых коллективов на предприятия, Южная Корея с чеболями, Россия с перспективой внедрения селективных налогов с правом решать, куда направлять средства [Аузан, 2022. С. 120-126]. Эти идеи опираются на работы экономистов Цянь Инъи, В.М. Полтеровича и Д. Родрика, определивших политические или культурные препятствия на пути реформ и поставивших целью найти политику, устраняющую ограничения и соответствующие им институты, а затем последовательно выстраивать цепочки таких институтов [Аузан, 2022. С. 119-120, 136].

Здесь мы видим довольно жёсткую тернарную схему, логика которой знакома нам по работам Г.В.Ф. Гегеля: исходную бинарную оппозицию (выживания и самовыражения), раскрывающуюся через её конкретизацию в разнообразных ценностях культуры («звездограммах») — и порождающую механизм развития, действующий на основе переходных институтов, синтезирующих наличные и искомые ценности. Но это лишь схема, на которой автор не останавливается. Законы социокультурной экономики составляют лишь общую рамку изложения, за каждой из структур которой следует «перенаправление внимания» в стиле Д. Канемана и появление блестящей россыпи новых познавательных перспектив, представляющих широчайшее поле для размышлений: за законом экономического успеха следуют рассуждения о роли социальной интерпретации религиозных взглядов, за законом конкурентной специализации — повествование о роли языка, климата и истории, за законом трансформации — анализ роли институтов, таких как семья, школа, тюрьма и армия, средства массовой информации; ему сопутствует вставка о культуре доверия [Аузан, 2022. С. 40-46, 59-64, 127-134, 136-155].

Возможность альтернативных интерпретаций

Однако совокупность направлений исследований, заданная работами упомянутых политологов, социологов и экономистов и дополненная творчеством преподавателей, не исчерпывает полноты возможных познавательных перспектив изучения социокультурных влияний на экономику. Понятие цивилизации так или иначе связано с гуманистическим идеалом. Поэтому важнейшая составляющая цивилизационного анализа процесса модернизации — не только эффективность экономики, но и то, что Ш.Н. Эйзенштадт называл «антиномиями модерности», прежде всего тема «противоборствующих нормативных принципов»: поляризация действия и структуры, индивидуализма и коллективизма модерности и психологических травм людей как их следствие. Р.Г. Браславский обозначил это как противоречие между автономией человека и овладением им условиями своего существования. «Высвобождение людей из традиционных связей имело своим последствием рост неопределённости, порождённой собственными усилиями людей» [Браславский, 2024. С. 100-101]. Й. Арнасон пишет в связи с этим, что «модерность является внутренне разделённой и оспариваемой...: она соединяет новые способы накопления богатства и власти с новым пониманием человеческой автономии. С обеих сторон присутствуют — и находятся в конфликте — культурные интерпретации» [Арнасон, 2021. С. 31-34]. Эта важная тема затрагивается в связи с образом человека не столько в экономике, сколько в антропологии. Чтобы продемонстрировать перспективы подобных подходов для развития социокультурной экономики, «перенаправим внимание» на один из них, сформулированный антропологами начала XXI в., пытавшимися двигаться в направлении «цивилизационного ренессанса». Примером для нас будет Ю. Кавада, выступавший с позиций постколониальной критики на конференции по диалогу цивилизаций в Киото в 2001 г. Его тема близка проблематике социокультурной экономики. Он сосредоточил внимание на эффективности межцивилизационных взаимодействий, на особенностях периферийных локальных экономик, гуманном использовании человеческого капитала. И оказалось, что его представление об эффективности экономики гораздо шире.

Характерно противостояние Ю. Кавады как линейно-стадиальной, европоцентристской версии теории цивилизаций, так и мультикультурализму. Его не устраивало субстанционалистское, системно-структурное восприятие локальных цивилизаций, «характеристика культуры как определённой конфигурации, рассматриваемой как единство, носителем которой является определённая группа людей». Он считал, что для народов подобная идея может стать знаменем фундаментализма, поощрять политический и культурный

изоляция. Альтернативой этому взгляду Кавада провозглашал отказ от абсолютизации любой познавательной позиции, поскольку в цивилизационном исследовании объект и субъект исследования находятся на одном уровне и в когнитивном, и в моральном смысле. Следствие — непризнание и даже моральное неприятие любой познавательной позиции в качестве универсальной. Он считал необходимым критиковать познавательные последствия этих позиций с других точек зрения. В рамках этого подхода значение ценностей модернизации характеризуется как глобальное, но не универсальное. Это понятие ставится в кавычки, как и понятия «варварство» или «дикость» [Kawada, 2001. Pp. 627, 630, 634].

Поэтому для Кавады было естественным сравнивать социокультурные условия и достижения весьма разнородных экономик. Он предложил «метод триангуляции», при котором на одном поле оказывались западные культуры, его собственная, японская и африканская культура одного из народов Буркина Фасо. Технология выращивания риса в Японии раннего Нового времени рассматривалась им как «человеко-зависимая» и сравнивалась в этом качестве с механизированными, «человеко-независимыми» технологиями Запада. При этом те и другие расценивались как взаимодополняющие, так как в эпоху Мейдзи их элементы в Японии были объединены. Третьей стороной сравнения была подсечная культура выращивания проса в африканской саванне, основанная на технологии «бриколажа», т. е. изобретательного использования любых ресурсов, независимо от их происхождения, как материального, так и магического, ритуального, характера. В её структуре магические «знаки» занимали место логических понятий в других сравниваемых культурах, а производственный цикл полностью помещался внутри экологического цикла [Kawada, 2001. Pp. 630, 635].

Кроме того, цивилизации подразделялись на «целеориентированные», динамичные и ориентированные на эффективность деятельности (Европа) и «ориентированные на процесс» (*process-respected*), как Япония или Буркина Фасо. При исследовании методом триангуляции каждая из перечисленных технологических культур и ценности, которые она несёт, могут рассматриваться с точки зрения двух других. Культуры как идеальные типы сконструированы таким образом, чтобы подчеркнуть их статус теоретического объекта, операциональную функцию и познавательную ценность для сравнительного исследования цивилизаций. Кавада фиксирует дистанцию между этими моделями и реальностью, а также предлагает способы их применения. Историю человечества, по его мнению, надо описывать не только с точки зрения достижений Запада, но и психологических травм, которые наносит модернизация, критики процессов дегуманизации труда, становящегося чисто экономическим фактом, и разрушения природной среды. Регуманизация человеческого труда, о которой говорил М.К. Ганди, как и деревенская технология бриколажа, имеют актуальное значение и приобретают важную роль при создании человеко-ориентированных технологий [Kawada, 2001. P. 636-639].

Проблемы понятийного аппарата

Концепцию социокультурной экономики можно развивать и в эпистемологическом плане. С точки зрения идей «цивилизационного ренессанса» заметно, что на это направление знаний наложил отпечаток свойственный экономистам сциентистский и детерминистский поход, в целом чуждый современному цивилизационному анализу, особенно в его социологической и исторической составляющих (контингентный нарратив). Этот подход проявляется в интересе к причинно-следственным связям и устойчивым закономерностям, апелляции к понятиям, фиксирующим природу культурных и экономических традиций отдельных цивилизаций. На взгляд социологов и историков, склонных к деконструкции

когнитивных карт или способов фреймирования, определяющих предпосылочное знание, это скорее характеризует позицию и жёсткую познавательную перспективу наблюдателя, а не объект наблюдения. Это касается, в частности, важной для А.А. Аузана проблемы доверия [Аузан, 2022. С. 136-155]. Социологи утверждают, что «доверие оказалось гораздо более сложным социальным феноменом, чем это представлялось социологам в 1990-х гг. (нам в том числе)» [Цивилизационное..., 2024. С. 393].

Детерминистский и сциентистский подход экономистов подвергается критике гуманитариев. Ведь там, где экономические законы опираются на социокультурные обстоятельства, в дело вступают культурология, герменевтика и интерпретации, в частности, конкурирующие дискурсы, на основе которых выстраиваются не только разные способы фреймирования сравниваемых объектов, но и отличия субъектов экономического анализа. В связи с этим социолог Й. Арнасон ставит на первый план «герменевтический подход к данной проблематике (с нашей точки зрения, только он и является адекватным)» [Арнасон, 2021. С. 22]. Влияние дискурсов релятивизирует значение понятий и жёсткость детерминистских схем [Йоргенсен, Филлипс, 2008. С. 42-43].

Экономисты проявляют интерес к разным аспектам хозяйственной жизни и определяющим её социокультурным обстоятельствам. Они сравнивают страны в разных контекстах и по разным основаниям. Иногда это сравнение на уровне богатства и благосостояния отдельных наций. Иногда — в географических масштабах мировой экономики, в рамках квазилинейной прогрессивной версии эволюции, в презентистском контексте современной экономики. В связи с этим можно говорить о разных познавательных позициях, воплощённых в различных фреймах или когнитивных картах, создающих разные представления о норме, исключениях, пространственных и временных моделях. Представляется важным упоминание об изменениях этих «кодов» или «законов» во времени и пространстве, о неполноте отражения ими богатств национальной культуры. Поэтому речь здесь идёт не только о законах экономики, как в классическом знании, но и об исследовательских перспективах, повестках дня, вопросниках, как в неклассическом и постнеклассическом знании, которые распадаются на ряд направлений. Экономика здесь не только изучаемый объект, но и по-разному конструируемый учёным предмет знания. В отличие от классического знания здесь ясно видна фигура исследователя как одного из акторов экономического процесса, меняющего повестку дня и вопросник.

Как пример приведу хотя бы понятие культурного кода, выведенное в заглавие книги А.А. Аузана. Такого рода явление не дано нам в ощущениях: оно выстраивается исследователем для проблематизации культуры, представляет собой модель или конструкт, часть когнитивной карты изучаемой реальности. Поэтому его образ нестоек и внутренне противоречив. В книге М. Эпштейна о выражении культурных кодов через первопонятия культуры они характеризуются по-разному: как через универсальность первосмысла («элементы общечеловеческого опыта»), так и через локальность его проявления («преломление через национальные языки и культуры»); как через ригидность во времени («*константность*: устойчивость, преемственность на протяжении всего существования цивилизации или длительной эпохи; подчас укоренённость в древних, мифологических представлениях»), так и через переменчивость («*потенциальность*: первопонятие обладает открытой структурой, допускающей множество интерпретаций и, оставаясь константным, непрерывно расширяет свой смысл, предоставляет возможности для домысливания и переосмысления, играет активнейшую роль в смене культурных парадигм»). Порой противоречивые свойства постулируются одно за другим: «5) *аксиоматичность*: первопонятие выступает как самоочевидное, самообоснованное, признанное в культуре как точка отсчёта для других понятий и способ их определения; 6) *дискуссионность*: первопонятия вызывают множество споров, разногласий; за право их использовать и привлекать на свою сторону борются разные мировоззрения, идеологии, методологии». Таким образом,

код — это не ответ, а вопрос, не результат, а отправная точка исследования [Эпштейн, 2022. С. 7, 9, 11-12, 14-15]. Какое из свойств характеризует культурный код нации в данный момент, в данном месте и ситуации неясно; это не эмпирический факт, а инструмент теоретического анализа, ценность которого в его непонятности, проблемности как импульсе для построения вопросника исследователя.

В работе Р. С. Уортмана о русской культуре подчёркнуты зыбкость смысловых границ ключевых слов русского языка, спрятанных в паутине значений, внутреннее культурное разнообразие страны, перформативный и эмоциональный характер культурных кодов, проявляющихся в харизматичности того или иного языкового явления, представляющего основу «эмоциональной матрицы». Уортман выражает удивление их гибкостью и изменчивостью, странными особенно в России, где эти коды навязываются государством или изобретаются интеллигенцией под сильным европейским влиянием как на уровне общих понятий (политичность, образованность, культурность), так и на уровне повседневных бытовых и производственных практик (хозяин как личность, софийное хозяйство, социалистическое соревнование, культурный отдых), а культура высших слоёв и простонародья остаётся расколотой [Wortman, 2019. Pp. 3-4, 122, 180].

Понятие культурного кода сжимает до минимальной символической проекции смысла достаточно расплывчатое само по себе представление о национальном характере или ментальности, часто критикуемые историками, обращающими внимание на их метафорический характер. Поэтому недостаточно убедительным оказалось выдвинутое ещё Э.С. Кульпиным на конференции в сентябре 1994 г. представление о культурных кодах цивилизаций и точке бифуркации в развитии России и Запада XIII–XV вв., которые сменили эволюционный тип развития, соответственно, на мобилизационный и инновационный [Кульпин, 1995; Генетические коды..., 1995; Кульпин, 2010. С. 21]. Исследователи цивилизационного подхода к истории России, говоря о кодах и ментальностях, отмечают «отсутствие надёжных критериев для построения соответствующей системности» [Морозов, 2014. С. 117, 221, 285-287]. Особенно это касается гораздо более популярного, чем термин «культурный код», понятия «менталитет», приобретающего характер самоисполняющегося пророчества относительно больших групп людей, вплоть до нации и цивилизации («это случилось потому, что таков менталитет») [Морозов, 2014. С. 221]. Между тем социологические исследования доказывают существование множества идентичностей и соответствующих им ментальностей, носителем которых может быть конкретный человек. Это могут быть и городская, и образовательная, и профессиональная, и правовая, и экологическая, и экономическая, и др. идентичности (и ментальности) [Морозов, 2014. С. 199-202, 210, 212]. Всё это ограничивает роль понятия культурного кода до редукционистской культурологической метафоры, маркирующей национальную культуру. Недаром попытки верификации подобного рода моделей сводятся к иллюстрациям, отдельным примерам. Лауреат Нобелевской премии по экономике за 2002 г. Д. Канеман по сходному поводу отмечал, что именно таким способом легче всего создаются когерентные модели, внешне логичные и убедительные, но не релевантные познавательным задачам [Канеман, 2023. С. 109, 115, 118].

Для историка подобное структуралистское словоупотребление, упор на системности культурно-экономических связей выглядит несовременным, попыткой выстроить когерентный исторический нарратив, уступающий в условиях когнитивного поворота место контингентному нарративу, связанному с представлениями о вероятности и случайности. «Цивилизационный ренессанс» связан с переходом к радикальному историзму, отвечающему общему духу работ А.А. Аузана и разрушающему представление об однозначности смыслов и линейности причинно-следственных связей, что открывает дорогу к реинтерпретации смыслов и циркулярной причинности [Олейников, 2021. С. 16-17]. Применение понятий закона и культурного кода, на наш взгляд, должно быть ограничено

путём «перенаправления внимания» не спонтанно, как это делается сейчас, а в рамках более общего контекста (типа мультимодерности), хотя эти понятия и эффективны как инструменты обучения. В определённой мере их применение затрудняет анализ экономической роли культурной традиции во всей её локальной и темпоральной оригинальности, сложности и противоречивости. Ещё Э. Трельч писал, что в выведенных исследователями цивилизаций XIX в. социальных законах, «которые служат одновременно и ценностными законами... всегда уже заключено очень большое превышение эмпирии» [Трельч, 1994. С. 124].

С эпистемологической точки зрения тут сразу встаёт проблема перевода обозначения ценностей с языка на язык. Ценностные понятия часто имеют характер «пустых означающих», имеющих порой десятки и сотни значений (например, «культура» [Kroeber, Kluckhohn, 1952]), которые дрейфуют на смысловом поле в произвольных направлениях. Фиксация позиции наблюдателя, а также языка изложения, противоречащая идеалу рефлексивности и историчности, мешающая обретению мультиперспективистской позиции, ограниченно пригодна для компаративистских целей [Вернер, Циммерманн, 2007]. Как писал ещё классик цивилизационного подхода и создатель концепции мир-экономики Ф. Бродель: «Я считаю ошибочным только одно: выбрать одну из... историй, а всеми остальными пренебречь» [Бродель, 2000. С. 128]. С онтологической точки зрения, как уже указано, ущербна реификация и эссенциализация нормативного образа цивилизации как способа фреймирования изучаемой реальности.

Всё это отчасти сближает социокультурную экономику со слабыми местами сциентистских экологических моделей истории цивилизаций [Генетические коды..., 1995]. Их роднят стремление к реификации способов фреймирования реальности и детерминизму (скептически воспринимаемым гуманитариями). Здесь несколько расходятся идея колеи развития как пассивной принудительной силы (*path dependence*) и представления о «радикальной рефлексивности способности» модерности и творческой силе традиции, в которой не угасает импульс породившей её инновации, реинтерпретации и трансформации последней [Цивилизационное... 2024. С. 134-135]. Причина этого — упор на проблематику локальных цивилизаций (в частности, российской), и недооценка глобальной цивилизации Модерна и проблематики множественных модерностей. Этот подход интересен в той мере, в какой он сопровождается «перенаправлением внимания» на другие факторы. Социолог Р.Г. Браславский в связи с этим пишет: «...наблюдаемое культурное и институциональное разнообразие современных обществ не может быть отнесено всецело на счёт влияния исторически сложившихся цивилизационных традиций или институциональных матриц, т. е. объяснено исключительно культурной и/или институциональной зависимостью от прошлого пути, так называемым эффектом колеи. Как показал Э. Гидденс, беспрецедентная рефлексивная способность модерности подрывает любые прежде сложившиеся цивилизационные формации, но в то же время, по замечанию Й. Арнасона, она усиливает релятивный характер всех интерпретаций, вырабатываемых в ответ на собственную проблематику модерности, что, в свою очередь, открывает возможности для взаимодействия последней с историческим цивилизационным наследием» [Браславский, 2024. С. 201].

Некоторые итоги

Нельзя не отметить эпохальный, прорывной характер созданных в России работ по социокультурной экономике. Они стали большим вкладом в такое мощное, наблюдаемое в последние десятилетия междисциплинарное явление, как «цивилизационный ренессанс», затронувший множество направлений в философии, политологии, социологии, антропологии, культурологии, истории, географии. Историки, начинавшие движение в этом направлении в 1980 — начале 1990-х гг., могут только позавидовать экономистам. Но если

у историков и социологов процесс включения в цивилизационный анализ сопровождался глубоким изучением работ предшественников, то экономисты выбрали случайный импульс для вдохновения, найдя его в спорных и довольно противоречивых работах политолога С. Хантингтона [Ионов, 2024. С. 15-17; Ионов, 2015. С. 283-286]. Это проявляется в некоторой жёсткости исследовательских и преподавательских моделей, влиянии на них системно-структурного идеала классического знания, детерминизма, элементов телеологизма и эссенциализма, в игнорировании опыта проработки альтернативных версий интерпретации социокультурных влияний на экономику, созданных в смежных областях знания, проблем употребления понятий «закона» и «культурного кода». Некоторые проблемы, такие как соотношение индивидуализма и коллективизма, «эффект колеи», уровень генерализированного и институционального доверия трактуются ими как локально российские, в то время как для социологов первая относится к кругу общих вопросов «антиномий модернизации», вторая входит в число сложных проблем соотношения традиций и множественных модерностей, а третья по меньшей мере является спорной [Цивилизационное... 2024. С. 19, 134, 393-394]. Выходом из этой ситуации может быть более активная интеграция социокультурной экономики в процесс «цивилизационного ренессанса», углубление её исторической и теоретической составляющих, движение в направлении трансдисциплинарного, мультиперспективистского, конструктивистского подхода, расширяющего круг когнитивных карт экономистов за счёт рефрейминга цивилизационных моделей.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Арнасон Й. (2021). *Цивилизационные паттерны и исторические процессы* [Arnason J. (2021). *Civilizational Patterns and Civilizing Processes.*]. — М.: Новое литературное обозрение.
- Арнасон Й. (2022). *Тоталитарный раскол: альтернативные модерности XX века* [Arnason J. (2022). *The Totalitarian Schism: Alternative Modernities of the 20th Century*] // *Неприкосновенный запас*. 2022. № 1 (141). С. 105–130.
- Асмолов А.Г. (2015). Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия [Asmolov A.G. (2015). *Psychology of modern times: challenges of uncertainty, complexity and diversity*] // *Психологические исследования* (электронный журнал). Т. 8. № 40. С. 1-11. (URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/550> (дата обращения: 15.01.2025)).
- Аузан А.А. (2015). «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития: эволюция гипотез [Auzan A.A. (2015). *Path dependence. The problem of path dependence: evolution of hypotheses*] // *Вестник МГУ. Сер. 6. Экономика*. № 1. С. 3–17.
- Аузан А.А. (2017). *Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь* [Auzan A.A. (2017). *The economics of everything. How institutions shape our lives*]. — М.: МИФ.
- Аузан А.А. (2022). *Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа* [Auzan A.A. (2022). *Cultural codes of economics. How values influence competition, democracy and the well-being of the people*]. — М.: Издательство АСТ.
- Аузан А.А., Никишина Е.Н. (2021). *Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика — на культуру: курс лекций* [Auzan A.A., Nikishina E.N. (2021). *Sociocultural economics: how culture influences the economy, and economics influences culture: a course of lectures*]. — М.: Экономический факультет МГУ.
- Ахиезер А.С. (1991). *Россия: критика исторического опыта*. В 3 т. Т. 3. [Akhiezer A.S. (1991). *Russia: criticism of historical experience*. In 3 vols. V. 3.]. — М.: Философское общество СССР.
- Браславский Р.Г. (2024). *Цивилизационный анализ как трансдисциплинарная исследовательская программа в социологии*. Дис... д-ра социол. наук [Braslavsky R.G. (2024). *Civilization analysis as a transdisciplinary research program in sociology*. Diss... D-r of Sociol. Sciences]. — СПб.: Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.
- Бродель Ф. (2000). *История и общественные науки. Историческая длительность* [Braudel F. (2000). *History and social sciences. Historical duration*] // *Философия и методология истории* / Под ред. И.С. Кона. — Благовещенск: РИО БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ. С. 115-142.
- Брубейкер Р. (2012). *Этничность без групп* [Brubaker, R. (2012). *Ethnicity without groups*]. — М.: НИУ ВШЭ.
- Вернер М., Циммерманн Б. (2007). *После компаратива: histoire croisée и вызов рефлексивности* [Werner M., Zimmermann B. (2007). *After the comparative: histoire croisée and the challenge of reflexivity*] // *Ab Imperio*. № 2. С. 59-90.

- Вельцель К. (2017). *Рождение свободы* [Welzel C. (2017). Freedom rising. Human Empowerment and the Quest for Emancipation]. — М.: АО «ВЦИОМ».
- Генетические коды цивилизаций: М-лы 3-й научн. конф. «Человек и природа-проблемы социо-естественной истории». Феодосия, сент. 1994 г. (1995) / Ред. Э.С. Кульпин [Genetic codes of civilizations: M-ls of the 3rd scient. conf. «Man and nature are problems of social-nature history». (1995)]. — М.: Московский Лицей.
- Инглхарт Р. (2018). *Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир* [Inglehart R. (2018). Cultural evolution. How human motivations change and how it changes the world]. — М.: Мысль.
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). *Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития* [Inglehart R., Welzel K. (2011). Modernization, cultural change and democracy: The sequence of human development]. — М.: Новое издательство.
- Ионов И.Н. (2007). *Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия* [Ионов И.Н. (2007). Civilizational consciousness and historical knowledge: problems of interaction]. — М.: Наука.
- Ионов И.Н. (2015). *Мировая история в Глобальный век. Новое историческое сознание* [Ионов И.Н. (2015). World history in the Global Age. New historical consciousness]. — М.: Аквилон.
- Ионов И.Н. (2024). *Цивилизационный ренессанс и когнитивистика* [Ионов И.Н. (2024). Civilization Renaissance and Cognitive Science] // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 2024. № 89 (4). С. 5-19. DOI: 10.21267/AQUILO.2024.89.89.034
- Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. (2008). *Дискурс-анализ. Теория и метод* [Jorgensen M. W., Phillips L. J. (2008). Discourse analysis. Theory and method]. — Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр».
- Йордхайм Х. (2021). *Множественное время и стратиграфии истории* [Jordheim H. (2021). Plural time and stratigraphy of history] // *Логос*. Т. 31. № 4. С.95–118. DOI: 10.22394/0869-5377-2021-4-95-116
- Канеман Д. (2023). *Думай медленно... решай быстро* [Kahneman D. (2023). Think slowly... decide quickly]. — М.: Издательство АСТ.
- Канеман Д., Словик П., Тверски А. (2005). *Принятие решений в неопределенности. Правила и предубеждения* [Kahneman D., Slovik P., Tversky A. (2005). [Decisionmaking under uncertainty. Rules and biases]. — Харьков.: Инст-т прикладной психологии «Гуманитарный Центр».
- Кульпин Э.С. (1995). *Социально-экологический кризис XV в. и становление российской цивилизации* [Kulpin E.S. (1995). Social and environmental crisis of the 15th century, and the formation of Russian civilization] // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 88-98.
- Кульпин Э.С. (2010). *Генетический код цивилизации* [Kulpin E. S. (2010). Genetic code of civilization] // *Природа и общество: на пороге метаморфоз. Серия «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России»* / Под ред. Э.С. Кульпина-Губайдуллина Вып. XXXIV. М.: ИАЦ Энергия. С. 10-26.
- Кульпин Э.С., Пантин В.И. (1993). *Решающий опыт* [Kulpin E.S., Pantin V.I. (1993). A decisive experience]. — М.: Московский лицей.
- Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу* (2002). [Culture Matters: How Values Shape Human Progress (2002)] / Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. — М.: Московская школа политических исследований.
- Маркарян Э.С. (1981). *Узловые проблемы теории культурной традиции* [Markaryan E.S. (1981). Key problems of the theory of cultural tradition] // *Советская этнография*. № 2. С. 78–96.
- Матвеева С.Я. (2014). *Расколото общество: путь и судьба России в социокультурной теории Александра Ахиезера* [Matveeva S.Ya. (2014). A divided society: the path and fate of Russia in the sociocultural theory of Alexander Akhiezer] // *Демоскоп Weekly*. №609–610. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2014/0609/nauka02.php> (дата обращения: 15.01.2025).
- Морозов Н.М. (2014). *Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX-XXI вв.* [Morozov N.M. (2014). Conceptualization of historical knowledge about Russian civilization at the turn of the XX-XXI centuries]. — Кемерово: Практика.
- Олейников А.А. (2021). *Время истории* [Olejnikov A.A. (2021). The time of history] // *Логос*. Т. 31. № 4. С. 5–30. DOI: 10.22394/0869-5377-2021-4-5-27
- Трельч Э. (1994). *Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории*. [Troelch E. (1994). Historicism and its problems. The logical problem of the philosophy of history]. — М.: Юрист.
- Фернандес-Арместо Ф. (2009). *Цивилизации* [Fernandez-Arместо F. (2009). Civilizations].— М.: Издательство АСТ.
- Цивилизационное многообразие современного мира* (2024). [Civilizational diversity of the modern world (2024).] / Отв. ред. Р. Г. Браславский, А. В. Малинов. — М., СПб.: ФНИСЦ РАН.
- Шемякин Я.Г. (2001). *Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории* [Shemyakin Ya.G. (2001). Europe and Latin America: interaction of civilizations in the context of world history]. — М.: Наука.
- Элиас Н. (2001). *О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования*. В 2 т. Т. 2. [Elias N. (2001). About the process of civilization. Sociogenetic and psychogenetic research. In 2 vols. Vol. 2]. — М., СПб.: Университетская книга.

- Эпштейн М. (2022). *Первопонятия : Ключи к культурному коду* [Epstein M. (2022). *First concepts: Keys to the cultural code*]. — М.: Колибри, Азбука-Аттикус.
- Davutoğlu A. (2014). *Civilizational Revival in the Global Age // Civilizations and World Order. Geopolitics and Cultural Difference* / F. Dallmayr, M. A. Kayarınar, İ. Yaylıcı (eds.). — Lanham, Boulder, New York etc.: Lexington. Pp. 73-98.
- Eisenstadt S.N. (2000). *Multiple Modernities // Daedalus*. Vol. 129. № 1. Pp. 1-29.
- Kawada J. (2001). *Beyond Cultural Relativism and Globalism — A Proposal to Deepen Cultural Awareness through «Dialogues»* URL: <https://www.unu.edu/dialogue/papers/Kawada-abstcs>. Pdf (access date: 26.03.2007).
- Kroeber A. L., Kluckhohn C. (1952). *Culture: a Critical Review of Concepts and Definitions // Papers. Peabody Museum of Archaeology & Ethnology, Harvard University*. No. 47(1). — Cambridge, Mass.: Peabody Museum Press.
- Roudometof V. (2024). *How Should We Think About Globalization in a Post-Globalization Era? // Dialogues in Sociology. Online First*. P. 1–14. DOI: 10.1177/29768667241293053
- Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia* (2020). / K.J. Mjør and S. Turoma (eds.). — Abingdon, Oxon; New York: Routledge.
- Sil R., Katzenstein P.J. (2011). *Beyond Paradigms. Analytic Eclecticism in the Study of World Politics*. — Basingstoke: PalgraveMacMillan.
- Therborn G. (2003). *Entangled Modernities // European Journal of Social Theory*. Vol. 6. №. 3. Pp. 293–305.
- Wortman R.S. (2019). *The Power of Language and Rhetoric in Russian Political History. Charismatic Words from the 18th to the 21st Centuries*. — London; New York: Bloomsbury Academic.
- Zhang Weiwei (2012). *The China Wave: Rise of a Civilizational State*. — Singapore: World Century Publishing Corporation.

Ионов Игорь Николаевич

igion52@yandex.ru

Igor Ionov

candidate of sciences (history), senior researcher, Institute of world history of the Russian Academy of sciences (Moscow)

igion52@yandex.ru

«CIVILIZATIONAL RENAISSANCE» AND SOCIO-CULTURAL ECONOMICS

Abstract. The article examines the epistemological problems of the domestic version of socio-cultural economics as a subject of intellectual history, which is analyzed in the context of the civilizational renaissance developing since the 2010s. It is shown that socio-cultural economics is associated with the processes of deglobalization and the undermining of traditional ideas about modernization. These trends are most clearly manifested in sociology, where the civilizational turn determined the idea of Modernity as a new type of civilization, and the idea of the plurality of modernities, including alternative and intertwined ones. In socio-cultural economics, such features of the civilizational renaissance as the contingency of the narrative, attention to alternative versions of explanations, the desire to think “from the contrary”, features of cultural, spatial, historical turns common to social and humanitarian knowledge have manifested themselves. Nevertheless, there is a detachment from the centuries-old tradition of civilizational analysis and a number of its disciplinary areas. The cross-cutting connection with S. Huntington’s position leads to an increased influence of classical scientific knowledge, a metahistorical approach to civilizational analysis associated with scientism, determinism, and essentialism. This is manifested in ignoring a number of alternative versions of the interpretation of socio-cultural influences on the economy, and problems with the use of the concept of a cultural code. Overcoming these difficulties is seen in a more active integration of socio-cultural economics into the process of civilizational renaissance, an increasing role for humanitarian aspects of analysis, and a movement toward a transdisciplinary, multiperspectivist, constructivist approach that expands the cognitive maps of economists by reframing civilizational models.

Keywords: *socio-cultural economics, post-globalization era, civilizational revival, civilization of Modernity, multiple modernities, path dependence, essentialism, multiperspectivism, reframing.*

JEL: A1, A12, A14, A20.